

18+

МАРИТА МОВИНА-МАЙОРОВА

О ЛЮБВИ... И ПРОШЛОГО СЛЕДЫ

Марита Мовина-Майорова

О Любви... и прошлого следы

«Издательские решения»

Мовина-Майорова М.

О Любви... и прошлого следы / М. Мовина-Майорова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938272-6

Девочка, девушка, женщина... Путь, который проделывает героиня новелл, а вслед за ней и сам автор. На этом пути остаются следы. Следы нашей Любви. Очарование юности с её мечтами о любви и счастье, поиск этого самого счастья. Желание любить и быть любимой. Разочарования и вновь — поиск счастья. Наивность, взросление и, наконец, зрелость. Об этом ранние новеллы автора.

ISBN 978-5-44-938272-6

© Мовина-Майорова М.
© Издательские решения

Содержание

«О ЛЮБВИ...»	6
Любовь..?	7
Любить, значит восхищаться	8
Горение	17
(неоконченное)	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

О Любви... и прошлого следы

Марита Мовина-Майорова

Редактор Авторская редакция

Иллюстратор М. Мовина-Майорова

Дизайнер обложки Рисунок для обложки выполнен автором сборника Маритой Мовиной-Майоровой

© Марита Мовина-Майорова, 2024

© М. Мовина-Майорова, иллюстрации, 2024

© Рисунок для обложки выполнен автором сборника Маритой Мовиной-Майоровой, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-4493-8272-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**«О ЛЮБВИ...»
СБОРНИК НОВЕЛЛ**

Любовь..?

2001-й

Любить, значит восхищаться

1.

Она увидела его первой. И, узнав, не узнала. Он оказался намного выше того парня, которого она встретила в Копенгагене. Он оказался намного старше. Он оказался намного мужественнее. Он искал ее, но смотрел в другую сторону. Она поняла: он не узнал ее. И она не узнала бы его, если бы здесь еще был бы кто-то смуглый, кареглазый и черноволосый. Но такой здесь и сейчас был только этот парень. Значит, это был он.

Она окликнула его по имени.

...Потом они ехали в рейсовом автобусе, переполненном как всегда. Она видела, что он чувствовал себя неуютно, зажатый между потными телами пассажиров. Стоял июнь. Только-только наступила долгожданная жара. Но все питерцы, как всегда же, уже были не довольны этим. Питерцы, как она давно заметила, всегда были недовольны любой погодой. Видимо, поэтому, думала она, в этом городе была такая изменчивая погода.

Он почти не обращал на нее внимания. Теснота, жара, русская речь, картинки пейзажа за окном – вот чем был он поглощен. Складывалось такое впечатление, что он приехал совсем не к ней. Что это совсем не он в течение полугода звонил ей каждый день из Копенгагена. Не он писал ей письма с признаниями в любви и с тоской от необходимости ждать так долго встречи с ней. Не он описывал ей свое восхищение перед ней и ее телом. Не он почти сделал ей предложение.

Она не мешала ему. И наблюдала за ним. И ждала, когда же он вспомнит о ней.

Перед метро они наконец вышли из автобуса, и он остановился, чтобы снять огромную золотую цепь с крестом со своей шеи. На ее удивленный взгляд он ответил, что его предупреждали, что в России полно воров и всегда всех обманывают. Она только протянула:

– Да-а? Так тебе сказали?

И подумала, что никогда иностранцам не будет дано понять ни Россию, ни то, что в ней происходит. Хотя их видение России весьма близко было к истине происходящего в ней сейчас.

Так они добрались до гостиницы. После того, как был получен номер, и её гость наконец расслабился, поставив дорожную сумку в шкаф, и устроился в кресле, она тоже присела рядом с ним. И вот их взгляды встретились. Она прочла в его глазах растерянность. И какое-то желание, скрытое этой растерянностью. Ей сразу стало не по себе, в этом гостиничном номере рядом и наедине с этим парнем. Как будто, прямо сейчас ей следовало начать снимать с себя одежду. Как будто, только для этого он сюда и приехал. Он сглотнул и отвел глаза. А она, опытная зрелая женщина, почувствовала такое неудобство и растерянность и одновременно такое согласие с тем, что он предлагал прямо здесь и сейчас, что...

Она быстро встала и хотела уже попрощаться до завтра, но он тут же, словно понял ее намерение, тоже быстро встал и сказал, как будто ожидая отказ, неуверенно глядя ей в глаза:

– Я бы хотел посмотреть Невский, если можно...

– Сейчас? – удивилась она.

– Да. Если можно. Я хочу погулять с тобой.

Она внутренне облегченно вздохнула и улыбнулась.

– Ну почему же нельзя? Эта гостиница как раз и стоит на Невском. Мы можем пройти от нее прямо к Дворцовой площади. Хочешь посмотреть Дворцовую?

– Да-да! Очень хочу. Я так мечтал об этом! Извини, я никак не могу прийти в себя оттого, что я, наконец, в Санкт-Петербурге. Если бы ты знала, сколько мне пришлось преодолеть трудностей на пути сюда! Но я очень хотел. Я поставил себе цель. И вот я здесь.

Его словно прорвало. Глаза его засияли, черты разгладились, и она, она узнала его теперь! Вот, снова перед ней стоял он, тот любознательный жизнерадостный итальянец, тот юноша, догнавший ее на лестнице ровно год назад в Копенгагене в Центре и восхищенно воскликнувший: «Ты знаешь, что ты прекрасна?!» Тот юноша, который буквально в последнюю минуту ее пребывания в Копенгагене, почти насильно вырвал у нее ее Санкт-Петербургский адрес и телефон. Тот юноша, который забросал ее письмами восхищения перед ней и почти сделавший ей предложение.

Тот юноша, которого она все-таки решилась полюбить.

...Ветерок дул им в лицо. Теплый июньский ветерок. Нева была спокойной. На ее противоположной стороне гармонично являли себя постройки Университетской набережной. По набережной прогуливались в основном иностранцы. Они тоже радовались наступившему теплу. Зимний был великолепен: бело-зелено-золотой.

И вдруг она вспомнила монументальные дворцы Копенгагена, их монолитность, серо-красную застылость и очень земную основательность. Она вспомнила их четкие, строгие, грозные темные очертания на фоне ночного неба, сумеречность пространства, которое продолжало жить для нее даже днем, стоило попасть ей на площадь перед дворцом или во внутренний предел средневековых построек. Она вспомнила почти полное отсутствие роскоши в убранстве этих дворцов – только строгость форм, без каких-либо излишеств... розарии, украшавшие эти серо-красные стены, и выюны, выюны на крышах.

Она посмотрела на блестящий своим золотом в лучах заходящего солнца Зимний глазами рациональных неторопливых иностранцев, глазами этого юноши, и увидела, как мал и провинциален ее любимый Санкт-Петербург. И от этого полюбила его еще больше.

А этот юноша, оказывается, ревнивец! Какими, однако, злыми глазами он посмотрел вслед вон тому иностранцу лет тридцати пяти, который слишком внимательно глянул на нее и улыбнулся ей, отстав даже от своей группки, потому что шел и все время оборачивался на нее. Она перевела взгляд на юношу, и тот смутился, поняв, что с головой выдал себя.

– Ты ревнуешь.

Это была первая фраза, сказанная с момента их встречи в аэропорту, которая имела отношение к их взаимоотношениям. К их чувствам. И он ответил, с вызовом глядя ей в глаза:

– Да, ревную.

Трудно сказать, чего было больше в ее отношении к этому открытию – веселья или грусти. Слишком юн был этот солнечный мальчик. Слишком зрелой и выпотрошенной жизнью была она. Его ревность, скорее, удивила ее. Потому что слишком преданным было ее сердце тому, кого она решалась полюбить. Если преданность может быть «слишком».

...Они вернулись в гостиницу и попрощались в вестибюле. До завтра.

Возвращаясь домой, она никак не могла уловить свое настроение, определить свои нынешние чувства к этому юноше. Она не могла вспомнить, о чем же они говорили.

Хорошо только помнила, как все время ей хотелось взять его за руку. Чтобы быть рука в руке. Глядя на них самих, как бы со стороны, она видела возраст, который разделял их. Она *видела* этот возраст. Она прикрывалась этим возрастом как щитом от него. И с помощью возраста она пыталась удержать этого юношу на расстоянии.

Сегодня ей это удалось.

***

Дождь хлестал по кронам деревьев. Барабанил по карнизу балкона.

Была середина солнечного с утра дня, но сейчас пришлось включить свет, чтобы прочитать написанное: так быстро стемнело. Она отложила страницы и закрыла глаза. Закрыла лицо руками. Прислушалась к себе. В голове происходила какая-то странная работа. Было такое

впечатление, что кто-то там, внутри, занят поиском какой-то информации. После обнаружения этой информации произойдет открытие.

Такое состояние пришло не в первый раз. И означало оно именно то, что было сказано – открытие. Так бывало уже не раз. Раньше она очень переживала, погружаясь в него главным образом потому, что оно приходило к ней внезапно, накрывало ее после периода активной деятельности, справиться с ним она не умела, и, сидя в таком состоянии без дела, без мыслей, чувствовала себя ненужной и мертвой. В такие минуты она начинала есть больше обычного, ей хотелось чего-то все время жевать, словно заполняя какую-то пустоту внутри себя этим жеванием.

...Она пошла на кухню, достала из холодильника остатки пирога с капустой, купленного накануне, и жадно, не дождавшись пока закипит самовар, съела его. Все равно в душе было пусто. Непогода бесновалась за окном. Она выпила чаю вприкуску с сахаром. Пустота в душе не уменьшилась. Тогда она пошла и прилегла на диване: все равно не было никакого смысла в этой ее жизни.

...Ей снилось, что она занимается любовью в автобусе. На стоянке. С кем?.. С кем-то, кто по её восприятию был каким-то обездоленным и падшим... его покорность была покорностью жертвы, которая знала, ради чего терпит унижение. Секс с ним не доставлял ей удовольствия: он был безропотной подстилкой, к тому же – она это ощущала физически – не очень чистоплотной. Близилась кульминация, но все никак не наступала. Чего-то не хватало в этом сексе. И в этот момент в ее руках появился мужской половой член. Его головка вдруг распустилась бледно-розовым цветом живой плоти. Она почувствовала спазм внизу живота, и наступила кульминация, а этот кто-то остался где-то внизу, почти вне поля ее видимости, как смутное расплывчатое пятно. И в этот момент она осознала, что мужского полового члена у этого кого-то быть не могло! И она проснулась. Какую же шутку сыграло с ней ее подсознание? Для чего? Остатки оргазма еще бродили где-то внизу живота. И внезапно она пережила: ее жизнь пуста – она не заполнена заботой. Ни о ком. Это озарение в один миг высветило ее душу до доньшка, до основания: там было мертвое беззвучное пространство, ни один живой голос не звучал в нем. Огромный дом без жильцов. Радиоактивная территория: внешне все пригодно для жизни, только воздух отравлен. А воздух ее души был отравлен битвой, которую она теперь вела с самой собой за свое счастливое будущее.

Вот и открытие. А теперь, душа моя, сделай соответствующие выводы.

И здесь надо прервать описание дня нынешнего.

И вернуться в Санкт-Петербург июня 1997-го. Первый приезд этого итальянца в Россию.

2.

На следующий день была пасмурная, хотя и теплая, погода. Она приехала в гостиницу и поднялась в лифте со звоночками на седьмой этаж. В этой гостинице останавливались в основном только богатые иностранцы, потому дежурные на этажах были очень приветливы со всеми, кто появлялся в поле их зрения.

Она беспрепятственно прошла к его номеру и постучала. Дверь тут же распахнулась, и она увидела его, возбужденного ожиданием. Все в его облике выражало нетерпение и радость. Это был совсем другой юноша, молодой человек, совсем не тот, кого встретила она в аэропорту сутки назад. Сейчас все его внимание было на ней, центром движения его души была она. И она это очень хорошо почувствовала. Сразу, едва взглянув на него.

Не показывая внешне чувств, овладевших ею, она степенно прошла вглубь комнаты и присела на краешек кресла.

– Куда пойдем? – спросила она. – Что ты хочешь посмотреть сегодня?

Он глядел на нее сияющими карими глазами и молчал. Постепенно восторженная радость сменилась разочарованием: он не ожидал, видимо, такой холодности от нее. Она почувствовала неестественность своего поведения, и ей стало жаль его. Зачем изображать из себя гостеприимную хозяйку, озабоченную лишь культурно-развлекательной программой для гостя? К чему эта напыщенная холодность? Чего, в конце концов, она испугалась? Пылкости этого юноши? Или той бездны эмоций, куда обязательно унесет ее поток их отношений? А что он унесет ее в бездну, она не сомневалась: останавливаться на середине или посередине она не умела. Эта любовь, которую она себе разрешила, должна быть испита ею до конца. Иначе не стоило и разрешать. То, что любовь эта станет чем-то необыкновенным и еще не испытанным ею в этой жизни, она знала наперед. Потому так долго страшилась принять решение позволить себе полюбить этого юношу. Собственно, не ради же Санкт-Петербурга прилетел сюда этот молодой мужчина! Играть в женские игры типа «она бежит, он догоняет», или «а не слишком ли быстро я бегу?» она не умела. Вернее, не любила: они претили ее открытой натуре. Тогда зачем весь этот фарс?! Расслабься. Ведь он не скрывает, и никогда не скрывал от тебя своих чувств. Впервые в твоей жизни появился мужчина, который никого и ничего из себя не изображает. Так будь достойна его. Ты всегда мечтала о таких отношениях! Получи желаемое.

Примерно эти мысли разом пронесли у нее в голове, пока она смотрела, как с его лица постепенно сходили радость и восторг. И она расслабилась.

– Ну что, пойдём куда-нибудь? Ты ведь хочешь посмотреть город? – спросила она, лукаво улыбнувшись.

Он мгновенно поймал перемену ее настроения, и, тоже улыбнувшись, засветившимися вновь глазами, посмотрел ей прямо в глаза и серьезно произнес:

– Я приехал к тебе.

Сердце ее дрогнуло, и волна тепла растеклась по всему ее телу: да, она не обманулась в этом мальчике и его чувствах к ней. Она не обманулась в том типе отношений, которые будут у них. Он был предельно непосредственен в своих проявлениях и того же хотел от нее. Она ощутила хрустальную чистоту его намерений. Какую-то первозданную непорочность его отношения к ней.

Она согласилась с его правилами игры. И никогда потом не была разочарована.

***

...Александров-Невская Лавра стояла прямо напротив гостиницы. Это был самый близкий архитектурный и исторический памятник. Его она и предложила посмотреть первым. Как только они вошли во двор Лавры, начал накрапывать дождик. Они прошли в Собор. Там царил теплый полумрак, и толпились туристы. Она попыталась поводить его по Собору, но вскоре увидела, что ему совсем не интересно. Да и ей, собственно, удовольствия не доставляло бродить даже не столько по Храму, сколько между туристами. Они вышли на улицу, и оба облегченно вздохнули. И рассмеялись, поняв чувства друг друга. Дождик стал накрапывать сильнее и слоняться по небольшому садику около Собора, делая вид, что все эти деревья интересуют их, было бы совершенно дурацким занятием. Под одним зонтиком, к тому же, им стало неловко. Он как-то завял сразу, сник и опустил голову. Старался не смотреть на нее. Невысказанное желание сделало его лицо бледным, а из-за природной смуглости оно стало пепельным. Он хотел ее. Это было очевидно. Ну, сколько же можно разыгрывать комедию?! Его естественность все время упиралась в ее манерность. А она, уже в который раз, спрашивала себя: «Что, так сразу лечь с ним в постель?» Но, глядя на его пепельное лицо и опущенные глаза, понимала, что ломает ненужную в данной ситуации и с этим человеком, комедию. В который уже раз инстинктивно *увидела*, что в этот раз все в ее жизни будет по-другому. Пора было решиться.

И она решилась.

3.

Воскресенье. Весна. Молодая изумрудная зелень, еще не припорошенная летней пылью. Не яркое, ласковое солнце. Тихий шепот деревьев.

Она очень любила первую майскую крапиву. В суп. Ох, до чего же вкусна была эта крапива в картофельном супе да со сметанкой! Да с хрустящими ржаными гренками! Да с половинкой сваренного вкрутую яйца! Да приправленная укропчиком! Полжизни за такой супец!

Но сегодня ей совсем не хотелось собирать крапиву. Совсем другое настроение было у нее сегодня. В этот парк пришла она сегодня, чтобы еще раз прислушаться к себе наедине с природой, общение с которой разглаживало все морщинки на ее лице и сердце. Тихий покой души, возникавший от соприкосновения с природой, открывал в ее подсознании какие-то потайные двери и окна, через которые мощным потоком приходило понимание себя, своей сути. На природе открывались все, или почти все заслонки в ее каналах связи с Первоисточником, и она, глядя на окружавший ее Природный Мир, буквально впитывая его всем своим существом, могла заглянуть в самую глубокую глубину своей природы.

В сумочке лежало его очередное письмо к ней. Очередное письмо-признание в любви. Он уже писал по-русски и совсем неплохо. Он решил, что выучит ее родной язык, чтобы она как можно точнее могла понимать его и его чувства к ней. Она достала письмо и начала на ходу перечитывать его. Казалось, она знает это письмо наизусть. Но всякий раз, когда заканчивала читать его, у нее возникало ощущение, что она уже забыла его содержание и не может воспроизвести и пережить вновь те эмоции, которые пережила только что, читая его. Это было очень похоже на то, как если бы вы положили в рот пирожное, готовясь съесть его постепенно, получая удовольствие, смакуя его, а оно бы уже растаяло во рту. Так было со всеми его письмами: они были написаны в таком восторге и с таким темпераментом, так эмоционально насыщены его чувствами к ней, что, не успев начать читать их, она уже подходила к концу, невольно поддаваясь натиску и темпу его эмоций. Оставалось только едва осязаемое чувство соприкосновения с прекрасным, трепетным, живым.

Ей хотелось пить и пить его письма.

Она медленно шла по аллее. Тень от листвы пятнами лежала на дорожке. Кто-то уже загорал на берегу пруда. Кто-то даже купался. Большинство же людей просто прогуливались по аллеям, как и она. Было тихо. Все наслаждались первым теплом.

Еще раз перечитав письмо, она теперь твердо решила без страха и неудобств заглянуть к себе в душу и спросить ее:

«Чего же ты хочешь, душа моя?» И набраться смелости и услышать ее ответ, не допуская голос рассудка в третейские судьи. Она набрала в легкие побольше воздуха, остановилась и... встретила взглядом со своим сердцем. И услышала его голос:

«Хочу любить». Трепетный голос своего сердца. И она голосом Матери-Природы проговорила своей Снегурочке из царства Берендеев:

«Полюбишь и растаешь. Не страшно?» И ее Снегурочка ответила:

«Страшно. Но... Разреши любить. А там будь что будет. Не могу отказаться от его любви. Любовь не выбирают».

«Что ж. Будь, по-твоему. Иди. Отпускаю тебя. Люби. Я буду за тебя молиться. Благословляю».

Она подняла глаза. Жизнь Природы и людей вокруг шла своим чередом. Тихо серебрилась гладь пруда. Ветерок перебирал листву в своих пальцах. Рядом с ней остановилась парочка молодых супругов, державшихся за руки и наблюдавших за своим малышом. Он пытался догнать солнечный блик на траве. По берегу пруда бегал пудель, держа палочку в зубах. Его хозяйка с умилением взирала на своего любимца. Вокруг царилась Любовь. И так сильно вдруг

ощутила она свою одинокость, так остро пережила в одно мгновение ОТСУТСТВИЕ любви в своей жизни, что сердце почти остановилось от боли, у нее перехватило дыхание, и закружилась голова.

«Боже мой! И я еще решаю, брать или не брать счастье, которое Судьба преподносит мне на блюде! Я заикнулась на своем возрасте, как будто собираюсь выходить замуж за этого юношу! А ведь это просто любовь. И это так прекрасно, что она вновь стучится в мои двери! Она стучится в мои двери в виде прекрасного юноши, а не пожилого мужчины. Мы так много можем дать друг другу. Как гармоничен может быть наш союз! И это действительно подарок Судьбы. Я с благодарностью принимаю его».

Как видишь, дорогой читатель, в ее голове было еще слишком много рассуждений. Хотя сердце ее и сказала ей «да», ей еще нужен был этот третейский судья – рассудок. Чтобы обосновать это «да». Необходимость все взвешивать господствовала у нее и в области чувств. И в области чувств – более всего. Потому, что, когда приходило время подлинных чувств, ее рассудок умолкал навеки.

А пока была возможность господствовать, он старался показать свою значимость в полной мере.

Господствовать ему оставалось... недолго.

***

Она ждала звонка, который полностью изменит ее жизнь.

Почему она решила, что должен раздаться телефонный звонок, который изменит ее жизнь, она не знала. Откуда появилось это чувство? Когда?

Не так давно...

Что предшествовало этому?... Ах, да. Она вспомнила: месяца полтора назад она полностью погрузилась в работу. Все ее внимание сосредоточилось на работе. Именно в этот момент у нее и появилось чувство, что кто-то непрерывно думает о ней и хочет достать ее звонком. Конечно, это чувство было связано как раз с интенсивностью и успешностью ее деятельности.

Все всегда в ее жизни происходило именно так: она становилась очень успешной, уверенно шла к цели, все получалось как надо, и именно в этот момент появлялся ОН, и все ее внимание обращалось к НЕМУ. Цели отодвигались в сторону, даже задвигались в дальний угол, оставались «на потом». Становились не интересными. ОН – да! Обустройство отношений с ним – вот самое главное дело ее жизни. К его ногам кидалось все. И ее будущее в том числе.

Проходило время... Никто не выдерживал интенсивности ее чувств. Никто не был в состоянии поддержать эту игру на таком высоком эмоциональном уровне. Никто не был способен к взаимопроникновению, полной открытости и постоянной готовности быть на одной эмоциональной волне.

Сначала возникали помехи, небольшие, как в радиоэфире. Затем появлялись шумы, скрип, периодическое исчезновение из эфира. И, наконец, эту волну становилось трудно поймать. И тот радиопередатчик больше не хотел ловить ее волну. Короче – мощности его уже не хватало.

И она снова становилась «блуждающей волной». Но уже без прежней цели и уверенности в себе. Наступал период «между жизнями».

Потом она начинала потихоньку, как после серьезной операции, восстанавливать себя, вновь учиться ходить, говорить, улыбаться. Жить. И когда полнота жизни возвращалась к ней, она снова находила цель и начинала движение вперед. Постепенно дела шли все лучше и лучше, и в тот момент, когда к ней возвращалась уверенность в себе и ощущение того, что она все может, вновь появлялся очередной ОН...

Сейчас дела как раз начинали идти успешно. Сейчас как раз она начинала реализовывать свой долгосрочный план. Первые шаги уже были сделаны. Впереди было много интересного, и все это требовало ее неустанного внимания и настойчивости. Она все больше укреплялась в понимании правильности и принадлежности именно ей этого пути. По которому шла сейчас.

Конечно, это был момент, когда согласно предыдущей практике ее жизни должен был появиться ОН.

Но сейчас его появление было частью ее долгосрочного плана. Он должен был появиться сейчас не вместо этого плана, а как необходимая составная его часть. И внимания Ему будет уделено ровно столько, сколько остальным составляющим частям ее жизни.

Она точно знала, что так оно и будет. И это будет совсем другой сценарий ее жизни. Написанный ее рукой.

4.

Они вернулись в гостиницу. Поднялись в его номер.

Молча.

Он закрыл дверь. Повернул ключ. Она сказала:

– Отвернись.

Разделась и легла в постель. Он стоял спиной к ней безропотно, не делая попыток обернуться. Она лежала и смотрела на его спину.

«Интересно, сколько времени он будет стоять таким образом? Что происходит? Он что – боится?»

Она позвала его по имени, и он мгновенно обернулся. И остался стоять. Только глаза его засияли ярким карим огнем.

– Иди ко мне, – прошептала она одними губами.

Он медленно подошел к постели и встал на колени перед ней.

– Я люблю тебя. Больше жизни. Я мечтал о тебе с первого мгновения, когда увидел тебя.

Ты – моя женщина. Только ты нужна мне в этой жизни. О! любовь моя.

Он проговорил все это очень медленно, глядя сияющими глазами в ее глаза.

– Ты веришь мне?

Она молчала. Она верила.

Она отдала ему свою душу. Что же жалеть о теле?

– Иди ко мне, – снова позвала она.

Он наклонился к ней...

Как описать восторг? Как описать гармонию? Как описать любовь?

Все произошло так же, как с его письмами: не успев начать читать, уже подошла к концу с ощущением, что прикоснулась к чему-то восхитительному, но неуловимому. Не успев начаться, блаженство закончилось, оставив чувство чистоты и легкости. И желания не разъединяться. А часы говорили, что прошел целый день. И что уже вечер. И что ей пора уходить.

Он умолял ее остаться.

Но она хорошо помнила, какими глазами смотрела на нее дежурная по этажу, женщина ее лет, когда они прошли мимо нее к нему в номер. Но даже если бы никто не видел ее прихода к нему, она все равно бы не осталась: все ее существо требовало возможности побыть в одиночестве и осмыслить наконец, что же произошло.

Она была ошеломлена. Вот и все.

А потом наступили сумасшедшие дни!

Думать? Размышлять? Анализировать? Ты что – с ума сошла? Третьейский судья – рас-судок умолк навеки.

5.

Не писалось. Не спалось. Какое-то неясное нетерпение и огромность подхлотившего к сознанию материала будоражили ее. Но никак не выливались в содержание создаваемой ею книги.

Что-то огромное, обширное стучалось в дверь ее настоящего. Но пока еще это было бесформенной тревожащей эмоциональной массой.

Ей и самой уже было нестерпимо интересно, что же это зреет внутри ее сознания? Во что это выльется? как будет развиваться сюжет? Замысел был один. Но, как всегда, внутри этого замысла она была абсолютно свободна! Куда выведет ее нить повествования? Что первым попросится на бумагу?

Никак она не могла понять, как это можно писать, как говорили, пишет Солженицын: каждый день вставать в одно и то же время и каждый день что-то регулярно писать. Она даже вязать так не умела: регулярно каждый день по расписанию, заранее зная, что и как будет связано. А уж писать!

Она жила довольно странной жизнью, жизнью, в которой постоянно переплеталось прошлое и настоящее. Она могла жить и прошлым, и настоящим одновременно. Каждый раз, осознавая и отделяя прошлое от настоящего.

Только будущего она пока не видела.

Цель ее жизни. Это была очень интересная тема ее размышлений. Собственно, это не было темой ее размышлений. Это был поиск. Непрестанный, всепоглощающий. Для чего она пришла в этот Мир? Что должна сказать ему? Что такое ее будущее? Повторение ли это прошлого? Только одно она знала точно: именно в недрах настоящего зреет, рождается ее будущее.

О каком будущем она мечтала? Она могла это сказать, потому что картинка ее будущего, объемная, цветная и с полным ощущением эмоционального настроения, очень просто доставалась из ее подсознания. Эта картинка была такая постоянная во всех этих измерениях, так легко ее однажды достав откуда-то можно было мгновенно восстановить вновь, что временами ей казалось, что такое будущее уже было однажды в ее какой-то жизни. Только тогда это было не будущее, а настоящее. И если, узнавая свои прошлые жизни, она неизменно попадала в средневековье, в центр Европы, то, воскрешая в памяти картинку своего будущего, она наверняка знала, переживая что-то, что это – далекая страна за океаном.

А картинка была такая.

Она, в очень преклонном возрасте, сидит в кресле с высокой спинкой; одежда на ней только белая: белая шляпа с большими изогнутыми краями, украшенная кружевами и лентой, белое длинное платье из шелка широкими складками спускается на пол у ее ног; она сидит в кресле, окруженная детьми, внуками и правнуками. Все сидят на полу возле ее ног и внимательно слушают ее. Царит покой и умиротворенность. Все это происходит в стране с очень мягким теплым климатом. В этой стране не бывает зимы. Вся картинка проникнута высокой любовью и благодарным взаимоуважением. Сразу видно, что этих людей объединяют любовь и почитание этой очень пожилой дамы. А сама эта дама излучает такую мудрую снисходительность и понимание, такую умиротворенность и согласие с окружающими ее людьми, что как магнит притягивает к себе все самые высокие чувства окружающих и возвращает им их обогащенными великой творческой энергией и глубоким тайным Знанием.

Вот такую картинку предлагало ей ее подсознание. Она настолько остро переживала все, что видела, что, действительно, очередной раз задавала себе вопрос: «Когда же это было со мной?» Такое завершение своей жизни было венцом ее мечтаний. Именно так хотела она закончить свой земной путь в этой жизни: в теплой стране, в доме, наполненном чистым воздухом и солнечным светом, в легких белых одеждах и окруженная многочисленными своими

близкими и родными людьми, для которых смогла стать источником мудрости, любви и умиротворения. Она хотела оставить после себя Любовь.

02—13 июля 2001 года. Санкт-Петербург.

Горение

(неоконченное)

«Гореть – поддаваться действию огня, уничтожаться огнем».
Толковый словарь русского
языка. С. И. Ожогов.

Их сжигала любовь. Разве любовь может сжигать?

Может ли сжигать восхищение?

Состояние, которое испытывали эти двое, было состоянием «между жизнями». Было совершенно очевидно, что такого накала чувств не сможет вынести ни один из них. Их спасло только то, что через десять дней они расстались...

Парк открылся им как-то совсем неожиданно. Несмотря на то, что вот уже целый час они шли по направлению к нему, и встречные уверяли их, что вот-вот они дойдут до него. Он все равно открылся неожиданно. Какие-то странные развалившиеся ворота прошлого столетия, давно никем не приводимые в порядок, будка билетерши, убогая и деревянная, сама билетерша – толстая баба с колючими глазами – все это оказалось ПЕРЕД их глазами и стало самостоятельной картиной, и картинка эта не имела НИКАКОГО отношения к ПАРКУ.

Парк открылся им совсем неожиданно. Они вздохнули полной грудью. Словно оказались на воле. И, взявшись за руки, пошли, куда глаза глядят...

Желание настигло их одновременно. Но ни один из них ничего не сказал другому. Только с этого мгновения целью их путешествия стало то единственное необитаемое, скрытое от глаз людских место, где желание это смогло вырваться наружу, закрутить их в вихре ощущений и эмоций, оторвать от грешной земли и унести в НЕбытие. И там, в этом НЕбытие, они вновь проживут то, что когда-то уже пережили. И о чем вспоминали только когда сливались воедино друг с другом и с ПРИРОДОЙ.

Они бродили по ПАРКУ.

1.

Дети Природы... Полуобнаженные, с повязками лишь на бедрах. У юноши сильный торс. У девушки – прелестная грудь. Оба смуглые и черноволосые. Они шли сквозь густой тропический (или – до исторический) лес. Шли – это слишком просто. Сквозь такие заросли надо было пробиваться. Но только им одним были ведомы скрытые тропинки, которые вели их сквозь эту чащу и позволяли идти, взявшись за руки.

Куда они шли? Юность. Она и в доисторические времена была юностью. Эти двое знали друг друга с... да, с пеленок. Хотя какие пеленки в те времена? Просто сколько они помнили этот мир, столько помнили и друг друга. У них не было никаких секретов друг от друга. Ни в разуме, ни в теле. Они знали друг в друге все и досконально. Сколько раз они голышом спали в одной колыбельке, сколько раз они боролись, побеждая попеременно, сколько раз лазили по деревьям и катались на лианах. Время шло, а им становилось все необходимее общество друг друга. Часами они могли бродить по лесу, взявшись за руки, и молчать. Этот Природный Мир так много значил для обоих!

Вместе с другими мужчинами селенья он уже ходил на охоту. Она принимала участие во всех женских делах. Но как только появлялась свободная минутка, они сбегали в лес. И, взявшись за руки, молча ступали по лесным тропинкам и тропкам, ведомым только им двоим.

Сегодня они снова сбежали от всех. Он держал ее за руку. Тишина и покой окружали их. Солнечный свет едва пробивался к земному покрову. Он был скорее рассеянным, как бы состоящим из отдельных лучей, которые можно было увидеть, посмотрев на солнечный свет сквозь листву под определенным углом. Они молчали... И вдруг их ладони соединил едва ощутимый импульс. Первым этот импульс почувствовал он. И прислушался к нему. В это же мгновение что-то ощутила она. Оба сердца бешено забились в унисон.

Двое остановились в растерянности. И посмотрели друг на друга. Она опустила ресницы. Стало жарко, и ее сердце заколотилось еще сильнее. Что-то теплое волной прошло по всему ее телу. Торжество наполнило ее. Через руки их соединил мощный ток энергии. Она подняла лицо и потянулась к нему всем своим существом. Свободной рукой сняла то, что едва прикрывало ее бедра и, увлекая за собой его, стала опускаться на земной покров.

Птицы щебетали где-то высоко вверх. Едва различимый гул стоял вокруг – так шумел лес. Но здесь, внизу, у самой земли, было тихо-тихо.

Она легла на мох, а он опустился на колени возле нее.

Восторг переполнял их существа. Такого восторга не испытывали они еще никогда. Сердца пели, постукивая тоненькими молоточками в висках.

Он провел указательным пальцем по ее груди, разглядывая, как темный сосок набух и затвердел мгновенно. Ее кожа тут же стала «гусиной», как от холода или щекотки. Он провел пальцем по другой ее груди. Теперь оба соска превратились в две крупные ягоды темновишневого цвета. Живот, лобок весь в крупных кудряшках иссиня-черных. Все он трогал с благоговейным восторгом. Она лежала покорно, отдав себя полностью во власть его рук. Только сердце ее стучало уже в горле и отдавалось эхом внизу живота. Она мучительно тихо застонала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.